

Воспоминания воздушного стрелка 1 гв.апдд Семена Ивановича Емельяненко (из брошюры Совета ветеранов 1 гв.апдд к 50-летию Победы)

ТРАДИЦИОННЫЙ ВОПРОС

Часто мне задают традиционный вопрос. «Где Вас, Семен Иванович, застал День Победы?..» «Эх, дорогой товарищ!.. Застал он меня под землей на глубине 122 метра», — отвечаю я загадочно. Краткого ответа дать просто невозможно. Это потому, что его содержание необычное и очень емкое. Оно не укладывается в две-три фразы. И пусть меня не осудят мои друзья-однополчане за то, что я решил вкратце ответить на этот вопрос. К этому меня зовет чувство уважения к тем, кто интересуется моими драматическими испытаниями.

Каждому из нас судьба определила свою дорогу. Если оглянуться в прошлые годы, то там будет видно мое довоенное участие в операциях в Китае (1937 — 38 г. г.), Монголии (1939 г.), Финских событиях (1940 г.) Здесь также к месту подчеркнуть не только высокий уровень боевой и политической подготовки личного состава полка, но и факты неоправданных потерь летного состава в различных обстоятельствах, которых можно было избежать.

Так, летом в 1939 году на крупных зональных маневрах в ночном полете на высоте 2500 метров загорелся и упал наш ТБ-3. Восемь обгоревших трупов, членов экипажа, похоронили в Крымской Краснодарского края. Командование и мы, рядовые, думали и гадали: «Почему же экипаж не покинул горящий самолет?». Как потом выяснилось, ни у кого из членов экипажа не было ни одного тренировочного парашютного прыжка.

И еще. В 1938 году командир корабля ТБ-ЗРН А.Коваль вел самолет из Китая в СССР. Несмотря на предупреждение синоптиков, о наличии грозных облаков по трассе, он пошел на риск, хотелось прорваться домой. И здесь стихия не пощадила. Самолет потерял управление и упал на крутом склоне горы. Всего с членами экипажа погибло 28 человек. Чудом остался жив Александр Галаган, который находился в самом хвосте корабля.

Таких примеров много. И их нужно всегда помнить и учитывать, чтобы так легко не отдавать жизнь авиаторов небесной стихии. Но не всегда и не всем удавалось это делать.

УНИКАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Действительно, эта ужасная катастрофа была единственной в ВВС в период ВОВ. Так, в ночь на 3 марта 1942 года наш ТБ-3 с бомбовой нагрузкой налетел на стальной 6 мм трос аэростата заграждения. Через несколько секунд правая плоскость с четвертым двигателем была отрезана этой стальной ниткой. Самолет загорелся в момент врезания троса в бензосистему. Всего несколько секунд экипажу было для спасения. Положение критическое. Я отодвинул пулеметную турель к правому борту и готовился выбраться через левый борт. Рядом увидел появление радиста Дениса Степанищева у второй турели. Самолет начало закручивать в правый вираж, и я мгновенно перевалился за борт. Через 2—3 секунды выдернул кольцо парашюта и его купол исправно распахнулся. Я был уверен, что Степанищев последует за мной. Ведь он, как и я, имел тренировочные прыжки с парашютом. Но Денис погиб. Невероятно сложный спасительный прыжок совершил правый летчик Н. П. Подлузский. Его сидение рядом с вращающимся винтом третьего двигателя. И у него хватило ловкости и самообладания, чтобы выбраться за борт и не попасть под лопасть винта. Николай Павлович говорит, что командир корабля Петр Шмелев давал команду двум штурманам и борттехнику с его помощником «покинуть самолет». Но те не были готовы к прыжкам. Они засуетились, подростерялись, а время ушло. Все погибли в мощном взрыве.

Эта катастрофа очень тяжела и прискорбна. Но она практически дала мне урок к возможному подобному случаю, если злая судьба его подберит. И она, окающая, обязательно его преподнесет.

ОБРЫВ В ПРОПАСТЬ

Чего только не бывало па войне. Ни в каких театрах и кино этого не увидишь.

В роли воздушного стрелка мне, вместе с боевыми -друзьями, довелось пройти Западный фронт, Оборону Москвы и Сталинграда. К октябрю 1942 года я совершил 120 боевых вылетов. Пришлось много стрелять по зениткам, прожекторам, истребителям противника.

В ночь под 1-е ноября 1942 года я в составе экипажа Губина летел на 121 боевой вылет. Под плоскостями самолета висели четыре тяжелых бомбы ФАБ-250. На высоте 3400 м я увидел впереди навстречу нам приближение черных туч с яркими грозными разрядами. Подумал: «Опытный Петя Губин обойдет грозу, он знает ее коварства». Но корабль не меняет курса. Командир, как замороженный, идет на

пролом стихии. Когда нырнули в тучи, корабль заштормило. Я подумал: «Нужно быть готовому к возможному ЧП». В считанные секунды болтанка стала увеличиваться до опасной силы. Вскоре я убедился по поведению самолета, что стихия норовит вырвать из рук Губина рули управления. Поэтому я хотел проскочить к командиру, чтобы точнее определить обстановку. Но в это время меня и радиста, Сашу Коростылева, с силой начало кидать по салону самолета. Тут же колпак моего пулемета сорвался, а из внутренностей радиостанции обильно посыпались искры с пламенем. Самолет явно устремился к земле. Гибнущую машину пора было покидать, иначе можно опоздать. И я к этому был готов. Правда, броситься в ночную бездну не так-то просто. Но обстановка требует немедленно это делать. Я увидел, как Коростылев второпях прикрепляет к себе парашют. «Значит Саша нырнет следом за мной», — мелькнуло в голове. И я без колебаний выбросился за борт. Только завис на парашюте, как внизу подо мною прогремел мощный взрыв...

Уже после войны мы по-братски встретились с Александром Коростылевым. Он мне сказал: «В момент твоего отделения от самолета штурман Котляревский, убедившись в неизбежности катастрофы, нажал кнопки и сбросил весь бомбовый груз. Этим он отвел нас от гибели...»

Тогда мне стало ясно, что сброшенные бомбы меня обогнали и потрясли землю. Я приземлился очень неудачно — выбил правую ногу. Тут же меня обстреляли из автоматов. Но мне удалось убежать, испытывая ужасную боль в ноге. А самолет, освободившись от груза и грозовых туч, покорился воле Губина и вошел в горизонтальное положение. Бомбы, предназначенные для удара по морозовскому аэродрому, из-за грозы не были использованы по назначению. Выполнить боевое задание экипажу не удалось.

ВСТРЕЧИ С ОККУПАНТАМИ

«Сеня, как сложилась твоя судьба, когда ты попал на вражескую территорию?», — спрашивает в письме штурман, подполковник Боднар А. Н. Спасибо тебе, Александр Николаевич, за то, что небезразличен к судьбе однополчан. Этим уже давно интересуются многие мои друзья-однополчане, учащиеся, учителя...

...От точки приземления я, освободившись от парашюта, тяжело хромая на правую ногу, преодолел неглубокую балку и поднялся на возвышенность. Оружейный огонь по мне прекратился. Я там, на высоте, соорудил искусственный куст из бурьяна и в нем замаскировался. С первых секунд моего приземления меня ужасно начала мучить жажда пить. Это намного тяжелее и страшнее любого голода. Утром я понял, что Саша Коростылев не решился последовать за мной в темную бездну. Что же его удержало? ...Уже в 1955 году, когда в Ростовском ГК КПСС рассматривался вопрос об утрате моего партбилета, А. А. Коростылев дал туда развернутую «Объяснительную» об этом полете, заверив ее в РК КПСС. Приведу краткие выдержки: «...Чем дальше самолет продолжал идти по курсу, болтанка быстро усиливалась, которая дошла до такой степени, что самолет почти не поддавался рулеуправлению. Потом, вдруг, образовался такой толчок, после которого мне стало ясно, что самолет перевернулся и пошел беспорядочно и стремительно падать. Видя неминуемую гибель самолета, я принял решение оставить его, но в это время на мне не был одет парашют, который второпях я одеть не мог и потому с каждой секундой ожидал удара о землю...» Еще выдержка: «...Товарищу Емельяненко удалось выпрыгнуть потому, что он находился в своей турельно-пулеметной установке, которая расположена рядом с дверью...»

Аналогичное пояснение в адрес парткомиссии прислал и борттехник корабля Уткин С. Н. Он пишет: «...все члены экипажа стремились покинуть самолет, но уже было поздно, самолет чудом выровнялся на высоте всего не более 100 метров над землей...».

...Я оказался один на вражеской территории с тяжело раненной ногой. Она вся, от подъема до колена синяя. Кровеносные сосуды не выдержали столь жесткого удара. Моя жизнь перевернулась. Потеряно самое дорогое — боевые друзья и участие в полетах на бомбардировку фашистских объектов. Но в сознании уже родилась идея — перейти обратно линию фронта и явиться в полк. Для этого нужно было мне незамеченному фашистами преодолеть расстояние 20—25 километров в зоне большого скопления фашистской солдатни. Из-за отсутствия лесных массивов, кустарников и других зарослей я решил пробираться ночами. Вместо компаса, ориентиром избрал созвездие Большой медведицы. В ее направлении мы всегда возвращались из боевого задания этого фронта. Я сознавал, что мне, искалеченному, голодному, мучимому жаждой предстояло преодолевать тяжелый изнурительный путь. И у меня не было ни малейшего сомнения в успехе моего замысла. Я не мог тогда себе представить, каким драматическим будет конец моего пути. Изложу его в самой сжатой форме дневника.

1 НОЯБРЯ. С утра и весь день наблюдал за избушкой, стоявшей в балке метрах в 800 от моего укрытия. За ней какие-то заросли. Вокруг ни души. «Там вода», — внушал я себе. Прошел день. На вечерних сумерках я и побрел туда, к той хатке. Иду все ближе и ближе к цели. А вот и оккупанты. Метрах в 30 от меня из-за домика вынырнул конный отряд человек 12. Решаю, не убегать, не вызывать подозрения. И я продолжаю двигаться, хромая, курсом к отряду. Я в шлеме, комбинезоне, унтах, с пистолетом в правой руке. Очень опасался, чтобы фрицы не обратились ко мне с вопросом. И я уже приготовился было послать им свои проклятия. Завязалась бы перестрелка. С моей стороны пистолет «ТТ», и с их стороны карабины. Мне

пришел бы роковой конец. Но, к счастью, все обошлось мирно. Конники проехали и скрылись, а я спустился ниже домика прямо в болото, заросшее густым камышом. Минут 5—6 япил очень скверную воду. Она имела гнилой и зловонный запах, наверняка изобиловала болотными насекомыми. Но для меня в тот момент она была нужным целительным напитком. Наконец, я утолил жажду и вышел на берег в промокших унтах. Начал возвращаться в свой «курень». Двигался с частыми остановками на отдых. Пройдя уже почти полпути я заметил, как к тому домику подъехала большая автомашина. Остановилась, прибавила газу и на ней вспыхнул прожектор. Я быстро залег за полевой кустик, снял шлем и стал наблюдать. Прожектор осветил ту хатку, а потом начал медленно описывать замкнутый круг. Вот луч прожектора подходит ко мне. Мое сердце сжалось до предела. «Вот и попался»,— мелькнуло в голове. Показалось, что луч задержался на мне, но это от волнения. Он описал круг, потом еще раз, но уже быстрее. Затем прожектор выключился и машина уехала... С трудом я добрался до своего куста и решил до утра, 2-го ноября, дать ноге покой...

2 НОЯБРЯ. С началом вечерней темноты я тронулся в путь. Шел тяжело, медленно и осторожно. Попалась накатанная проселочная дорога и я пошагал по ней. Вдруг, вслед за мной появилась конная телега с людьми. Я сошел в сторону метров 50 и залег, чтобы пропустить бричку. Был уверен, что буду не замечен для оккупантов. Но ошибся. Солдаты остановились и что-то спросили меня на своем языке. Я тут же в полный голос послал их ко всем чертям. Они втроем спрыгнули с брички и ко мне с криком: «Русь-русь...» Я быстро с колена беру их на прицел и даю подряд три выстрела. И какое было мое удивление, когда они впрыгнули в телегу и во весь галоп укатили. Мне показалось, что у них не было никакого оружия, а я оказался мазилой. На близком расстоянии не смог поразить врага...

3 НОЯБРЯ. В начале ночи мне попала небольшая речка. В ней я досыта напился, а потом в илистом дне долго искал улиток, чтобы покушать, но безуспешно. Перейдя речушку, я в поле встретил небольшой табун лошадей. Попытался изловить одну и верхом продолжить продвижение вперед, но лошадь подпускала меня на шаг, а потом резко удалялась. Эксперимент не удался. С волнением слышал полеты наших ЛИ-2 на боевое задание.

4 НОЯБРЯ. Эта ночь была тревожной. Примерно в 21 час я напоролся на большую автомашину—будку, замаскированную кустарником. Видимо, радиостанция. Вдруг я услышал строгий и отрывистый окрик иноземца. Вместо ответа, я мигом обернулся и побежал в противоположную сторону. Мне вдогонку застрочил автоматный огонь. Вокруг меня затрепал густой стеблистый бурьян, срезаемый пулями. Пришлось на бегу снять унты, и, преодолевая боль ноги, уходить как можно быстрее. Пули меня чудом миновали и мне удалось скрыться. На песчаном косогоре одел унты и прилег. Присмотрелся, а метрах в 60 от меня движется группа солдат. Они идут в мою сторону. Я быстро наложил вокруг себя бурьяну и стал походить на полевой куст. Не доходя до «куста» метров 30, солдаты остановились. Здесь они устроили коллективный туалет, немного побалагурили и ушли. Из «куста» на них все время смотрело дуло моего пистолета. Группа удалилась примерно туда, где меня 20 минут тому назад подвергли обстрелу.

Ближе к утру этой же ночью я надежно замаскировался в густой и высокой люцерне для дневки. Часов в 10 утра я сквозь сон услышал людской разговор. Открыв глаза, я увидел шагах в 12 от меня два молоденьких солдата с карабинами на плечах. Они проверяли телефонный провод, проходивший мимо меня. Если бы они меня обнаружили, я бы на этот раз не промазал. Но этого не произошло.

5 НОЯБРЯ. С начала ночи продвигался по своему курсу. Часов в 10 вечера наткнулся на полевую кухню, где проходил солдатский ужин. Ползком подкрался на минимальное расстояние. Плеск воды до умопомрачения обострил жажду. Начал переползать вокруг кухни. И сам не понимал зачем. Я опустил в неглубокую канаву и двигался по ней. Она заросла травой. Вдруг, не веря глазам, па дне канавы я увидел черный кухонный чугунок с водой. Хлебнул несколько глотков и ходу подальше. В зарослях небранной кукурузы я осушил посудину и утолил жажду. До конца ночи одолел еще около километра. Впереди слышались взрывы, там линия фронта, моя опасность возрастает.

6 НОЯБРЯ. Вечереет. Чувствуется слабость, головокружение, особенно жажда пить, как никогда, вызывает отчаяние души. Казалось, я готов в одиночку совершить нападение на противника, чтобы добыть воду или погибнуть и не мучиться. В таком состоянии я добрал до крутого спуска. Сошел вниз и увидел по другую сторону обрыв. В него вделаны несколько дверей. «Землянки»,— догадался я. Я с пистолетом в руке направился к одной из них, чтобы ворваться и выполнить свое желание. Но стоп. Передо мной обнаружилась лужа, затянута легким льдом. Я припал к воде. Прикладывался много раз. «Однако, надо уходить»,— подсказывает сердце. Когда начал движение, мне навстречу снова показался отряд конников, человек 6. Я уступил им дорогу и они мирно уехали, а я с чувством роковой опасности побрел своим путем на «Большую Медведицу».

7 НОЯБРЯ- Часа в три ночи я удобно «вселился» в густом кустарнике для очередной дневки. Приуснул. На рассвете меня разбудила пушечная стрельба среднего калибра. «Вокруг меня артиллерийская позиция»,— с горечью подумал я. Потом стрельба утихла, а расчеты почему-то весело хохотали, громко переговаривались. Все утихло и пошел мелкий, густой осенний дождь. Облака закрыли мой небесный

«компас» — «Большую Медведицу». Но по артперестрелке и так было ясно, где наши позиции. Часов в 12 дня молоденький солдат шел под дождем со снопом соломы прямо на меня. Когда он увидел меня с пистолетом в руке, бросил сноп и удалился. Больше не было никого. Но почему солдатик не навел на меня своих командиров?

Во второй половине дня мой меховой комбинезон и унты обильно пропитались дождевой водой и очень потяжелел. А к концу дня придавил мороз. Мои комбинезон и унты превратились в ледяной панцирь. Я еще больше ослаб, ухудшились слух и зрение. Но я был уверен, что этой ночью я буду у своих. И эта уверенность меня подвела. Я уже было оказался на оборонительном рубеже противника. Подо мною, как стекляшки шумно звенели сосульки, висевшие на траве, ударяясь об обледеневшие унты. Я поднялся во весь рост и пошел. Перескочил одну траншею, вторую. В голове одна мысль: «Как меня встретят наши бойцы. Мои планы выполняются», — уверенно думал я. Вдруг, внезапно где-то рядом прозвучал строгий нерусский оклик. Я извлек из кобуры пистолет и поспешил обратно. Начал опускаться в глубокую оборонительную траншею. Но меня быстро настигает патрульная группа. Я повернулся, направил пистолет на первого солдата и нажал курок. Но механизм не сработал. Видимо в него попала дождевая влага, которая в нем кристаллизовалась. В этот момент из второй группы здоровенный детина со всего размаха грохнул меня прикладом винтовки по голове. Я рухнул, но сознания не потерял. Видел, как на ремне заболтался перебитый о мою голову приклад винтовки...

Со связанными руками вели меня человек 8 неизвестно куда. Из-под шлема густая кровь заливала мое небритое лицо. Она застывала на щеках и шее, образуя кровавый слой. Меня мучила мысль: «Мне предстоит перенести самые изощренные пытки, вплоть до смертельного исхода, которые немцы применяют к летчикам». По пути один из фашистов от жажды крови все время заскакивал вперед и упорно пытался вонзить в мое горло лезвие штыка. Он в злобе извергал какие-то проклятия на своем языке. Но остальные не допускали его к кровавой расправе...

СЕЙЧАС МЕНЯ БУДУТ РАССТРЕЛИВАТЬ

Меня довели до сельского кладбища. На нём две большие ямы. Возле первой лежат несколько полураздетых трупов. «Наверно русские», — мелькнуло в голове. У меня сердце сжалось. «Значит и моим костям здесь место. Но это лучше, чем казнить», — печально думал я о своем скором погребении. «Сейчас начнут раздевать», — мерещилось в моем воображении. Но меня повели ко второй могиле. Впереди, за кладбищем обнаружился большой приземистый крестьянский дом. От него приблизился офицер. Он внимательно посмотрел на меня, сказал что-то рядовым и они повели меня в этот дом. В нем был штаб части. В избе меня напоили водой. Переночевал я в нем со связанными руками. Здесь переводчик мне объяснил, что я попал к румынам, а не к немцам. Восьмого ноября меня с усиленной охраной на машине увезли в Морозовск Ростовской области.

9 НОЯБРЯ 1942 ГОДА. Сняли с меня комбинезон, унты, шлем, а взамен дали шинель, ботинки. Офицер начал допрашивать. Я сказал ему, как оказался на оккупированной территории. Он не поверил, подозревая меня в связисте-шпионе. 10-го ноября я снова у следователя. Я начал повторять вчерашние слова: Летели бомбить морозовский аэр...». «Врешь, свинья», — прервал меня офицер с обозленной физиономией. Он пригласил двух мускулистых парней и что-то им сказал. Через минуту они приволокли в комнату избитого и окровавленного юношу. Голова его повисла, из носа и рта шла кровь. «Не скажешь, где радиостанция, эти парни выжмут из твоих костей «признание», — пригрозил румын. По моей спине прошел морозец. «Не будь глупым, завтра выкладывай все. Я не хочу делать тебе то, что вынужден применить к этому дураку», — он указал па юную жертву. И меня увели в охраняемый дом, в котором было нас 13 человек. Виденное меня потрясло. Само ожидание обещанных жестоких пыток, уже было для меня пыткой. «Как избежать кары?», — гадал я безнадежно. Когда повечерело и наше «семейство» улеглось спать, началась бомбежка аэродрома. Услышав взрывы, я с досады произнес: «Да, попади же ты хотя бы од- па сотка прямо в мое сердце». Вдруг, эта моя мольба взбунтовала верующих. Суеверные пленники рассвирепели до крайнего раздражения. «Ты, идиот, не хочешь жить, так мы тебя сейчас задушим», кричал усатый донской казак. «Смерть анчихристу», — поддерживал казака его земляк. Ко мне начали приближаться четверо со злыми намерениями. Я приготовился к отпору. Но на мою сторону стали два крепких танкиста и два артиллериста. Те оробели и отступили.

11 НОЯБРЯ. С утра я готовился к предстоящим пыткам. Понимал, что фашисты свое слово сдержат. Вдруг, молодая женщина передала танкистам картошку и записку. В ней всего три слова: «Румыны уходят, берегитесь». «Ну что же мы можем сделать при такой охране?», — рассудил танкист. Это всех крепко поразило. «При отступлении румыны могут всех пустить в расход», — утверждал усатый казак. С ним все согласились. Так грустно и тягостно прошел день. Он не принес мне того, чего я ожидал — кару надо мной палачи не исполнили, они ударили. Мне крупно повезло.

16 НОЯБРЯ. Румыны спешно нашу группу соединили с колонной около 600 человек изможденных и жалких пленников. Офицер на ломаном русском языке предупредил: «Во время движения шаг влево, шаг вправо или отставать, будем расстрелять»... Потом по четверо в шеренге колонна двинулась на выход из Морозовска.

ПЕЧАЛЬНЫМ БЫЛ ПУТЬ

Колонну составляли исхудавшие, голодные, грязные, заросшие, а то и раненые люди всех национальностей. Их возраст составлял от 18 до 50 лет. В наступившую стужу их изношенная одежда (хорошую румыны отбирали) не согревала тело. К тому же она обильно кишела насекомыми. Вшей не нужно было выбирать по одной. Развернув штанину, выгребай эту насекомину рукой из-под рубцов. Она, крупная, легко высыпается на снег, а на другой день ее количество полностью восстанавливается. Такими мы тащились на Запад. Мороз с каждым днем крепчал. Моя шинель, одетая на гимнастерку, не давала шанса спасти меня, исхудавшего и голодного, от лютых морозов. О побеге можно было только мечтать. Я шел, похрамывая в 5-ом — 7-ом ряду от хвоста. Ночевали почти каждую ночь в колхозных сараях на полу. Примерно 24 ноября среди дня единственная пожилая женщина, еврейка, которая выбилась из сил, была расстреляна и оставлена в кювете. Она плакала, умоляла офицера, но румын свою команду не отменил. Это было километрах в 15-ти от Тацинской. И это же было только началом. Дальнейший наш путь был усеян трупами. 4—5 человек ежедневно оставались рядом с дорогой. Палачи жертву отводили в сторону от дороги.

Пожилой человек начал жаловаться: «У меня ноги деревянные»,— говорил он, тяжело дыша. Он начал отставать и ему стало страшно. Он стал просить помощи у племянника: «Вася, помоги, родной. Васятка, сынок, прошу тебя, умоляю...» Но Вася не появился, он тоже уставший. А дядю по команде офицера свели с дороги и в упор расстреляли.

Где-то Белокалитвенском районе нас загнали на ночлег в гигантский колхозный сарай. На полу и чердаке солома. Спали парами — спина к спине и укрывались двумя шинелями. Утром нас построили и посчитали. Оказалось 10 человек не хватает. Конвой начал обыскивать и обнаружил всех их на чердаке в соломе. Бедолаг выводили по одному и расстреливали перед строем. Лишь один, более пожилой, настолько усердно молился, стоя на коленях перед офицером, что тот пощадил его.

13 ДЕКАБРЯ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Будучи в Морозовске, я познакомился с пленным молдаванином, Щерба. Он отрекомендовался комсомольцем и узнал, что я коммунист. Как и положено, нас небольшая группа сколачивалась для побега. Мы друг друга считали верными друзьями и дали друг другу слово выручать в трудную минуту. Да это было бы сказано...

Во время движения колонны я увидел друга Щербу на румынской повозке. Понял — он знает румынский язык и уже является переводчиком. Думаю: «Хорошо это или плохо?». На эту подводу во время этапа жители хуторов сбрасывали сухари, картошку, хлеб и другую еду для пленных соотечественников. Я незаметно для конвоя сравниваю с телегой и негромко говорю Щербе: «Сухарей уже много, подскажи офицеру пусть раздают, страшно есть охота». «Катись отсюда, пока тебе не попало»,— со злом ответил Щерба. И тут я перегнул несдержанность. Я его крепко обругал и назвал гадким предателем. И напрасно думал, что мы с ним в расчете. «Ах, так ты так!»—воскликнул он писклявым голосом и перевел все мои слова офицерам. Два озверелых верзилы подскочили, один со всего замаха дважды саданул меня толстой палкой по правому плечу. Второй тычет мне в подбородок острие штыка. Они в это время повторяли: «кэмуныст», «кэмуныст», «авьятор». Мой подбородок защемило от резанной раны штыком, в ключице правого плеча возникла жуткая боль. Это происходило на ходу. Во время избиения я старался устоять на ногах — знал, что лежащих они тут же приканчивают. Румыны по жестокости не уступали немцам. Колонна продолжала движение, а с ней и я, избитый фашистами по доносу Щербы.

14 ДЕКАБРЯ. Мы пересекли Ростовскую область и оказались в Гундоровке у границы с Украиной. Разместили нас в классах местной школы. Здание школы лежало на каменных стояках сантиметров 45 от земли. Я и два моих товарища решили ночью сорвать пол и устроить побег из под школы. Нужен был металлический предмет. Когда нам во дворе в порядке очереди давали баланду из проса, я заметил на земле кусок шины. «Годится»,— думаю. Только я попытался нагнуться за железкой, как тут же получил тяжелейшую оплеуху от мордатого стражника. Мое тело зашаталось, но на ногах устояло. И все же один из моих друзей, Вася, сумел эту железку затащить в помещение. Всю ночь мы провозились и ничего не сделали. Плотная сбитая толстая доска, никак не поддавалась нашим усилиям. А утром нас всех построили и сообщили, что ночью из соседнего класса через пол бежали 4 человека. «Все равно разыщем и здесь во дворе расстреляем»,— сказал начальник колонны. Но советские люди укрыли ребят. А нас перевели в другое помещение.

22 ДЕКАБРЯ. Нас построили для следующего этапа. В разных классных кабинетах остались 8 человек больных с высокой температурой, которые идти не могут. И здесь фашисты показали свое звериное лицо. В здании школы прозвучало 8 очередей из автомата. Оборвалась молодая жизнь еще восьмерых наших парней.

ВТОРОЙ РАЗ ИДУ НА РАССТРЕЛ

К вечеру 24 декабря 1942 года колонна мучеников, под усиленным конвоем вошла в город Краснодар. Запели нас в одну из городских недействующих школ, в которой почти нет оконных стекол. В этих нечеловеческих условиях мы переночевали. По своему наихудшему состоянию я чувствовал, что скоро мне придется разделить судьбу тех ребят, которых фашисты пристрелили на пройденном пути. Ноги ослабли, желудок сосет, шинель не греет.

25 ДЕКАБРЯ- Утром еще было темно, когда нас вывели из школы. На пришкольной площади вокруг нас образовалось плотное кольцо из конвоя. Второе кольцо оцепления состояло из женщин, жительниц Краснодона. У каждой из них на фронте муж, отец, брат... «Нет ли здесь родственника», - Думала каждая. Их близко не подпускали. Тогда женщины задумали разорвать кольцо конвоя и освободить нас, невольников. Но у фашистов на этот случай были рассредоточены на брочках пулеметы. Они застрочили длинными очередями поверх толпы и женщины разбежались. Колонна двинулась за город. Отдельные выстрелы говорили нам об очередной жертве оккупантов. За многими расстрелами мне удалось наблюдать.

Пройдя 10—12 километров за Краснодар, румыны устроили остановку на привал. Конвой у нас на виду усердно крестился, кушал сало, колбасы, хлеб. Они разговлялись в день Рождества Христова. Когда возобновили движение, я заметил: конвоир отвел отстающего в сторону, тот упал. Конвоир дал выстрел явно выше пленника и уходит. Еще другой конвоир отвел отстающего в сторону, перекрестился и застрелил его в упор. Такие сцены повторялись. И я решил рискнуть, имитировать отстающего. Когда мой интервал от хвоста начал увеличиваться, я увидел, как фашист наповал убил отставшего высокого парня. Я передумал отставать, начал силиться, чтобы догнать колонну. Но уже не смог. Конвоир по команде офицера схватил меня за руку и потащил от дороги по глубокому снегу. Я покорно шел на смерть. Шагов через 5—6 палач слегка толкнул меня, и я рухнул в снег. Наступило самое страшное — куда солдат направит выстрел? Я услышал, как солдат забряцал затвором винтовки, еще доля секунды и прогремел выстрел, запахло порохом. Солдат удалился. Он не захотел брать грех на душу в этот Великий праздник, дал выстрел мимо меня. Мой риск оправдал себя. Я лежал в снегу в сильный мороз, мне становилось тепло, тянуло в сон, я замерзал. Вдруг зашумели незнакомые голоса. Я лежу не шевелюсь, «я убит». Потом слышу подбегают и сильно тормозат мою спину. Я поднял голову и вижу: два солдата что-то говорят и показывают руками на хутор: иди, мол, туда. На дороге тянулся обоз и там с кибиток солдаты видели эту сцену, махали руками в сторону хутора Чернова...

ВПЕРЕДИ СНОВА УХАБИСТАЯ ДОРОГА

Под влиянием румынских обозников, я с большим трудом поднялся и пошагал к хутору. Вижу, руки мои побелели, ощущение холода исчезло и меня тянет в сон в такой трескучий мороз. Я понимал, что если остановлюсь — замерзну насмерть. До крайней хуторской хаты оставалось около 100 метров. Около нее стоит человек. Я прошел еще шагов двадцать, споткнулся и упал. Начал силиться, чтобы подняться, но никак. Все тело тянулось к земле. И тогда мне на помощь прибежал хозяин этой избы. Он сказал: «Подтянись, будь мужчиной». Я как-то встрепенулся. Привел он меня в теплую свою хату, жена накормила супом и я постепенно отошел и ожил... Я остался жив, но на территории, насыщенной оккупантами. Без документов в любую минуту меня могут посчитать партизаном, застрелить или отправить в немецкий лагерь. Такой возможный исход высказал мне хозяин. Он сказал, что оставил бы меня на ночь, но при таком полицая-предателе очень опасно для нас обоих. Посоветовал на ночлег пройти в соседний хутор, 7 километров. Тогда я ему изложил свой план: глухими деревенскими дорогами двигаться на Кубань. Там знакомые места для перехода через линию фронта. Я отдал ему шинель взамен старой шахтерской спецовки. «Никому не говори, что летчик, целей будешь», напутствовал меня мой спаситель, житель хутора Чернова...

СТРАШНЫЙ ПОХОД НА КУБАНЬ

25 декабря я из хутора Чернова (Украина) начал свой путь на Кубань. Через 66 суток я глухими сельскими дорогами преодолел около 500 километров и 1 марта 1943 года достиг колхоза «Большевик» Новоминекого района Краснодарского края. Мне пришлось ночевать в 66 сельских домах, где меня принимали и кормили чем могли, но не любая семья меня укрывала на ночь. Во многих случаях мне показывали от ворот поворот. Был строгий приказ немецких властей: «Лица, подозреваемые или не имеющие документов, должны задерживаться и направляться в немецкий лагерь. Жители, укрывающие указанных лиц, будут расстреляны». Этот немецкий приказ наводил страх на людей. Бывало вечером обойду несколько домов и везде один и тот же ответ: «Пустить не могу, полицай предупредил, будет облава». А некоторые просто гнали от двора: «Иди отсюда, из-за тебя и нас перебьют немцы». И это нужно было пережить все 66 дней. С большим риском для жизни пускали на ночлег те семьи, у которых муж, отец, брат были на войне. Да и то всю ночь переживали от

возможной немецкой облавы. Ведь были и доносчики наемные, которые могли сообщить немцам о моем пребывании в таком-то дворе.

ВСТРЕЧИ С НЕМЦАМИ И ПОЛИЦАЯМИ

Кроме общей дорожно-тягостной обстановки в пути мне встречались еще более острые эпизоды. Так, в январе 1943 года я вышел из деревни Пролетарка, южнее п. Зверево, на дорогу и зашагал по накатанной колее. Внезапно мне навстречу показалась автомашина типа «УАЗика». Скрыться мне от нее не было возможности и я «отважно» шагнул. Машина, сравнявшись со мной, резко затормозила. В ней четыре фрица с автоматами. В голове мелькнуло: «Сейчас спросят «русь папир» (документ) и все — партизан капут. Один из них вышел из машины с автоматом, направленным на меня, приблизился на шаг и спрашивает: «Русь, где партизански самолет?». «Не знаю»,— сказал я.

«А кто знает?»,— повысил он тон. «Наверно староста, там, в хуторе»,— робко ответил я. Он повернулся, глянул на хутор, потом на меня. Резко пошел к машине и зовет меня. Было ясно, что они решили меня взять с собой, чтобы я показал им старосту. Они все посмотрели на меня, страшного оборванца, что-то переговорили между собой и укатили в хутор. А я, переживши страх от встречи с лютыми врагами, похромал дальше...

Числа 20 января 1943 года вечером я вошел в Грушевскую Новочеркасского района. Возле одного из дворов стояла группа женщин. Я обратился к ним с просьбой ночлежки. «Могу в сарае, на чердаке, в чулане, в коридоре, только бы перебыть до утра»,— упрашивал я. «Да пойдете к нам, у нас дом большой»,— добродушно сказала одна женщина.

...Я сидел в комнате, а хозяйка занималась кухней. Слышу, появился мужской голос: «А документы у него есть?» «Да не знаю, Петя, наверно есть»,— виновато ответила хозяйка мужу. Вошел плотный средних лет Петя с полицейской повязкой на руке. Мое сердце сжалось, по спине прошел холодок. Я поднялся и поприветствовал полицая: «Добрый вечер...» — хотел сказать господин, но запнулся и замолчал. Он на мое приветствие ответил вопросом: «Кто ты, есть ли документы?». Я ему начал объяснять, что артиллерист, попал в окружение...» «Я прошу документ»,— прервал он меня властным тоном. «Раз нет документов, я обязан сейчас же отправить тебя в комендатуру. Нарушать приказ не имею права»,— твердил он мне решительно. Я немного помолчал, а потом как-то осмелел и высказался: «Я сейчас в вашем распоряжении и вы вправе отправить меня туда, где я погибну. Только обидно, что пришло такое время, когда мы, русские, не щадим друг друга». Вижу, он еще больше помрачнел, задумался. После минутной паузы, Петя потребовал ужин. Жена принесла ему миску горячего соуса и поставила на стол. Он отодвинул миску ко мне и приказал подать вторую. Не спеша, Петя достал из шкафа графин с самогоном и два стакана. Налил он мне полстакана, себе чуть больше. Полицай выпил сивуху и меня заставил это сделать. Я опорожнял миску и все думал, что это все значит? По настроению хозяина было видно, что дела в полиции становятся шаткими. Вдруг он словно проснулся и мне говорит: «Я дам тебе записку, в следующей деревне моя сестра, она пустит тебя на ночлег завтра. Бог с тобой иди себе на свою Кубань» .

ОПАСНОСТЬ СЛЕДОВАЛА ЗА МНОЙ

Вечерело. Я, похрамывая, входил в хутор Большой Лог, восточней Аксая. Отсюда уже близко и Дон, покрытый толстым льдом. Остановился у крайнего двора. С этого места хорошо просматривается хутор. Вон, за ложбиной, в большом дворе много людей, некоторые вооружены винтовками; По большой улице промчалось с десятков немецких мотоциклов. Пока я смотрел вокруг и думал, что мне делать, из домика вышла хозяйка этого двора. Я тут же обратился к ней: «Уважаемая, я к вам с просьбой, мне нужно где-то перебыть до утра, помогите, прошу вас, если сможете»,— умолял я ее. Она взглянула на меня чистым материнским взглядом и взмолилась: «О, господи, храни тебя Христос, сынок, но если я тебя приму, мы все погибнем»,— она трижды перекрестилась.— Сейчас только что перед тобой второй раз приезжал полицай, сказал, что ночью будет в дома поселять немцев»,— горестно промолвила старуха. Ее ответ меня потряс. Уже вечерело, мне некуда деться. Вижу, вышел ее сын. Он старше меня, бледен, как потом выяснилось, болен туберкулезом. Взвесив мое опасное положение, он сказал: «Мама, пусть он ночь переживет в сарайчике. Там солома и старая одежда. Другого выхода нет. Это тоже будет большой риск, закрытие случайных людей стреляют, сволочи», — рассудил он, глядя то на меня, то на маму. Мать, перекрестившись согласилась. «Вон, во дворе полиции, сгоняют вех поголовно мужчин для отправки, куда неизвестно»,— он указал на тот многолюдный двор.

Так, меня закрыли в бывшем курятнике. Часов до трех ночи я в нем ужасно дрожал от холода. В хуторе был слышен шум машин и отдельные ружейные выстрелы. Слышу, дверца моего жилья тихонько открывается. Вижу хозяйку. «Сынок, живой? Пойдем в дом, согреешь- су. Я из-за тебя еще не сплю. Все страшусь этих заклятых полицаяв и немцев»,— она говорила тихо, взволнованно. В доме я часика три приуспнул. Утром сын, фамилия их Ковалевы, указал, как безопасней пройти через Дон и я пошел. Там, за рекой, меня ждала новая опасность.

НЕМЕЦ ОТПУСТИЛ — ПОЛИЦАЙ ЗАДЕРЖАЛ

Утром я вышел из Большого Лога, перешел Дон, преодолев всего 19 километров и к вечеру оказался в хуторе Верхнеподпольный. Здесь все хуторяне сочувствовали мне, а переночевать пустить наотрез отказывали. «Здесь у нас немцы создают оборонительную линию. Советую тебе пройти в хутор Нижнеподпольный, там безопасней»,— посоветовал мне седой старичок. Я его послушал. Когда отошел от хутора метров 400, я увидел на вершине небольшого кургана пулеметную точку. Вдруг, из глубокой траншеи выскакивает немец в каске с автоматом и ко мне. Я ужаснулся, думаю: «Ну, конец». Немец энергично начал меня обыскивать. Ощупал тщательно, потом что-то сказал и машет рукой в ту сторону, откуда я шел. «Там моя мамка, мама моя»,— говорю немцу, чтобы он меня пропустил. Но фриц ткнул мне автоматом в живот. Я порядком дрогнул и понес свои кости обратно. Думаю: «Хорошо, что солдат не нажал на курок автомата».

Уже в сумерках я возвратился в Верхнеподпольный. А меня уже верхом на лошади разыскивает полицай. Кто-то донес. Вместе с другим парнем нас по темной дороге погнали в ст. Ольгинскую. Семь километров пути были для меня ужасно изнурительными. Изголодавшийся с выбитой ногой и обмороженными большими пальцами обеих ног, я просил полицаев отпустить и не мучить нас, своих соотечественников. Но старшой ответил: «Не имеем права, разговаривать запрещаю». «Быть нам в немецком лагере»,— уныло говорил мне мой напарник. Я с ним согласился и был уверен, что оно так и будет.

Наконец, привели нас в полицейское управление, а здесь в это время никого не было. Один из полицаев охранял нас до утра. В теплом помещении, на лавках мы улеглись и уснули. Среди ночи я проснулся и увидел: на полу вокруг нас повалом спят румынские солдаты. Похоже они навоевались и бегут домой. На зорьке они очистили помещение и мы остались одни. Потом появился расстроенный начальник полиции. Посоветовавшись со своими помощниками, он сказал: «идите, ребята, на все четыре стороны»...

КУБАНЬ — РОСТОВ - ШАХТА № 13 «ГОРНЯЦКАЯ»

Оставив ст. Ольгинскую, я прошел множество донских, и затем кубанских деревень. Полицаи много раз задерживали, и потом отпускали меня, косматого и бородатого старца. 1 марта 1943 года я вошел в х. «Большевик» на Кубани. В нем сбылась моя мечта — Красная Армия освободила «Большевик» и меня с хуторскими ребятами. Я сразу решил влиться в армию, был набор под Таганрог. Но полевая отборочная медкомиссия забрала. У меня образовалась сильная голодная отечность. Я был весь опухший, вялый, тяжелый. Теперь я оказался в положении больного и бесприютного человека. И меня потянуло в Ростов. Через несколько дней мои опухшие ноги притащили меня в столицу Дона. Здесь я представился в спецпункте НКВД. Меня в нем задержали. «Будем вас держать под следствием до выяснения вашей личности»,— сказал мне лейтенант. Меня зачислили на довольствие, что было для меня самым главным вопросом. В апреле 1943 года меня, вместе с другими, направили в Белокалитвенский район на шахту № 13 «Горняцкая». Жестокая судьба бросила меня на тяжелый труд под землю на глубину 122 метра. Условия там были лагерные, на работу нас водили под конвоем. Тяжелый гнет давил душу, но деваться было некуда. Питание выдавали усиленное и я постепенно вошел в форму. Сначала я стал залихватским забойщиком, а вскоре был назначен горным мастером. Наша металлургия очень нуждалась в коксующемся угле. Поэтому мы, шахтеры, работали без выходных, праздничных и с ненормированным рабочим днем. Как на фронте.

На основании моих показаний органы направили запрос в авиаполк для подтверждения моей личности. Но поскольку полк часто менял место базирования, запрос долго блуждал по свету. Ответ из полка с моей фотографией и положительным отзывом пришел только к концу 1944 года; Меня освободили из-под надзора, но я продолжал трудиться в шахте. Работал успешно. Бывало выезжаю из шахты, а на здании управления большой транспорант: «Привет смене мастера Емельяненко, выдавшей на гора 60 тонн угля вместо 40 по плану». Это мне давало заряд духовной бодрости. Мне удавалась правильная организация подземной выработки угольных пластов. Но на это много расходовалось физической и психологической энергии...

В ночь с 8-го на 9-е мая 1945 года я работал в третьей смене. Наступило утро. Конвейеру еще часа три до смены предстояло подавать из лавы уголь в железные вагонетки. Вдруг, начальник участка Потемкин срочно потребовал меня к телефону, чего никогда не было. «Я вас слушаю, Матвей Тимофеевич»,—отозвался я начальнику. «Семен Иванович, Сеня, закругляй быстро работу и выводи смену, войне конец»,— услышал я его радостный баритон... Я присел на бревно и никак не мог понять, чего в моей душе больше, восторга или огорчения — война закончилась без моего участия в составе родного полка.

Так под землей застал День Победы меня и многих советских шахтеров. В это время в шахте работало много пленных немцев, чехов, венгров. Они все же не теряли надежды на победу Гитлера и освобождение их от такого унижительного положения. Но, когда им стало известно, о капитуляции Германии и гибели Гитлера, немецкие офицеры пошли на самоубийства. В течение короткого времени их в шахте повесилось 11 человек. Потом всех немцев отправили на лесоразработки.

СНОВА В РОСТОВ

Только в 1948 году мне удалось распрощаться с шахтой и переехать домой в Ростов-на-Дону. Здесь уже давно ждала меня жена, Антонина Ивановна с сыном и тещей. В Ростове меня также ожидала работа, семейная забота, учеба в институте и многое другое. После окончания ВУЗа мне посчастливилось до самой пенсии выполнять интересную работу в должности начальника планово-экономического отдела городского энергопредприятия. Но, будучи пенсионером, я продолжал трудиться уже в должности электромонтера, которую оставил всего 3 года назад.

Я в самой сжатой форме описал всего около 20 процентов тех физических и психологических испытаний, которые перенес в тот трагический период.

ТАМ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Во время описания своего очень грустного периода я в своем воображении представлял обитание на оккупированной территории многих наших однополчан.

...В декабре 1941 года ТБ-3 командира Тимшина Е. А. был сбит около 25 км за линией фронта. Машина плюхнулась у самого леса. Евгению Тимшину, Петру Перлову, Николаю Богданенко и Виктору Дюрягину удалось быстро эвакуироваться из корабля и скрыться в лесу. Больше недели они с пустыми желудками лесными зарослями пробирались к своим. Но в пути на линии фронта потеряли борттехника Дюрягина. Выбраться из самолета и скрыться в лесу не удалось штурману Чернышову и воздушному стрелку Кононову. В перестрелке с немцами Чернышев был убит, а Леня Кононов сам застрелился, чтобы избежать плена. Тимшин Е. А. и ныне здравствующие Перлов П. С. и Богданенко Н. С. громили фашистов до полного их разгрома.

В ночь на 4 мая 1942 года командир ТБ-3 А. Макагон с бреющего полета сбросил партизанам мешки с боеприпасами. При крутом развороте задел крылом землю... Погибли штурман Макаров М. В., и воздушный стрелок Бенюк Т. Я

...По местам скопления вражеских частей 12 суток без пищи через укрепленные вражеские позиции добрались к своим А. Макагон, Пелипенко Д. Ф. (живет в Таганроге), Чернышов М. И. Воздушному стрелку Родионову Е. И. пришлось пережить тяготы немецкого концлагеря, из которого он бежал.

В наших изданиях уже были описаны тяжелые по сложности и последствиям эпизоды командиров ЛИ-2: Новикова П. В. в районе Брянска летом 1942 года; Маркина Н. Г. над Польшей летом 1944 года и Губина П. Ф. осенью 1944 года над ЧССР. Во всех трех случаях ЛИ-2 после атак фашистских «МЕ-110», загорались, а спустя секунды разваливались от взрывов бензобаков. Во всех трех случаях были погибшие члены экипажей, фамилии которых мы публиковали в предыдущих изданиях. Спасшиеся на парашютах Новиков П. В., Календа П. А., Перелазный А. И. (экип. Новикова); Марков А. И., Боднар А. Н. (экип. Маркова); Губин П. Ф., Уткин С. Н., Шведин А. И. и Домашенко С. П. (экип. Губина) прошли тяжелый «курс» многодневного голодания, в ежеминутной опасности, а затем строгий режим партизанского быта с участием в выполнении боевых заданий. И, наконец, счастливая удача возвращения в полк.

Опасность перехода линии фронта после приземления на территории врага, пережили в 1942 г. Михайлюков И. А. и Алтухов К. Г.

Ужасы фашистских концлагерей пережили летчики Журавлев Матвей Ксенофонович, Красавин Александр Николаевич и воздушный стрелок Новиков Кузьма Игнатович. О судьбе многих экипажей, не вернувшихся из боевого задания, к-сожалению, нам ничего не известно. Но сознаем, что все такие случаи тяжело трагичны.

С. И. Емельяненко.